

Воронежский творческий след Яна Квачалы – уникального знатока истории педагогики и новые труды о нем в Словакии

The Voronezh creative path of Jan Kvačala – a unique specialist in the history of pedagogy and new works about him in Slovakia

Фирсов Е.Ф.

Канд. ист. наук, МГУ им. М.В. Ломоносова
e-mail: olevfir@umail.ru

Firsov E.F.

Candidate of Historical Sciences, Lomonosov Moscow State University
e-mail: olevfir@umail.ru

Аннотация

Современной историографии свойственна путаница в освещении пребывания профессора-теолога Яна Квачалы в ливонском Дерпте (Юрьеве) и недоумение о причинах его эвакуации в 1918 г. в Воронеж. Недавно открытые архивные источники показывают, что Квачала (родом словак) еще в 1915 г. принял российское гражданство. Его переезд в Воронеж (вместе с русской, изгнанной из Эстонии профессурой) поэтому не вызывает недоумения. В статье впервые делается упор на воронежский период деятельности Квачалы (1918-1920 гг.), раскрыты новые направления его работы. Его огромный педагогический и особенно комениологический потенциал в советской среде остался не востребован. После отъезда из России в 1920 г. Квачала стал профессором Богословского факультета университета им. Коменского. Автор углубил характеристику межславянских научных связей Квачалы и высветил так называемую проблему «Ян Квачала и русская наука», впервые выявив в личном фонде Квачалы на Богословском факультете переписку с русскими учеными. Значительная часть работы посвящена историографическому разбору трех появившихся за последние годы в Словакии книг Л. Берната о Яне Квачале. Две из них представляют собой публикацию переписки Яна Квачалы. Наиболее внушительной является третья – монография «Жизнь и творчество Яна Радомила Квачалы», внесшая новое слово в историографию о Квачале. В статье развернута полемика по поводу ряда не совсем продуманных и необоснованных выводов в анализируемых трудах.

Ключевые слова: профессор Ян Квачала, Дерпт, Воронеж, архивные источники, переписка, историография, словацкие издания о Квачале.

Abstract

Modern historiography is characterized by confusion in the coverage of the stay of theologian Professor Jan Kvačala in Livonia Dorpat (Yuryev) and bewilderment about his reasons for evacuation in 1918 to Voronezh. Recently discovered archival sources show that Kvačala (originally Slovak) took Russian citizenship back in 1915. His move to Voronezh (together with a Russian, exiled from Estonia professorship) therefore does not cause confusion.

The article for the first time focuses on the Voronezh period of Kvačala's activity (1918-1920), reveals new directions of his work. His huge pedagogical and especially comeniological potential in the Soviet environment was not in demand. After leaving Russia in 1920 Kvačala became a professor at the Faculty of Theology of the Komensky University. The author deepened the characterization of Kvačala's inter-Slavic scientific relations and highlighted the so-called problem of "Jan Kvačala and Russian science", for the first time revealing correspondence with Russian scientists in Kvačala's

personal fund at the Faculty of Theology. A significant part of the article is devoted to the historiographic analysis of three books by L. Bernat about Jan Kvačala that have appeared in Slovakia in recent years. Two of them are publications of Jan Kvačala's correspondence. The most impressive is the third – the monograph “The Life and Work of Jan Radomil Kvačala”. The work introduces a new word in the historiography about Kvačala. The article has developed a controversy over a number of not quite thought out and unsubstantiated conclusions in the analyzed works.

Keywords: professor Jan Kvačala, Dorpat, Voronezh, archival sources, correspondence, historiography, Slovak publications about Kvačala.

В историографии до сих пор недостаточно изучен период последних лет пребывания профессора Яна Квачалы в Дерпте (Юрьеве) и особенно в Воронеже в 1918-1920 гг. Поэтому упор сделан на раскрытие воронежского следа творческой деятельности известного знатока системы Коменского и мировой педагогики, словака по происхождению Яна Квачалы. В зарубежной (да и в отечественной) историографии до сих пор существует путаница в оценке пребывания Квачалы в Дерпте и в Воронеже, и высказывается недоумение по поводу причин эвакуации Квачалы в Воронеж. Автор данной работы развеивает подобные взгляды в свете новых архивных материалов, позволяющих судить о том, что Квачала принял российское гражданство еще в 1915 г., так что его переезд с другими коллегами и профессурой в Воронеж не может вызывать никакого удивления, поскольку он возглавил эвакуацию Богословского факультета Дерптского (Юрьевского) университета.

Воронежский период педагогической деятельности Квачалы, к сожалению, не привлекал внимания исследователей. Его имя даже не упомянуто в современных материалах по истории созданного университета. Источниковая база о пребывании Квачалы в Воронеже до сих пор не выявлена. Скучная информация о Квачале, содержащая известные биографические сведения об ученом-комениологе, имеется лишь на одном воронежском электронном ресурсе [1]. Известно, что в период своего двухлетнего пребывания в Воронеже Квачала состоял сотрудником Губернского музея и членом научно-методической секции губернского отдела народного образования. Кроме того, Квачала, будучи вдумчивым знатоком европейской культуры, преподавал предмет «Культурная история» в воронежской консерватории. По некоторым сведениям, одновременно он исполнял обязанности пастора в местной протестантской церкви и проводил службы. Можно только сожалеть, что местные власти, видимо, недооценили комениологический потенциал Квачалы и не использовали в полной мере его огромный педагогический опыт как историка культуры и крупного философа. Личность Квачалы – ученого с мировым именем – так и не привлекла до сих пор воронежских исследователей. Несмотря на это обстоятельство, можно говорить о том, что за два года пребывания в Воронеже (1918-1920 гг.) Квачала оставил о себе заметный след [10].

Теперь трудно судить о том, что же заставило Квачалу прийти к мысли о своем возвращении на родину в Бачки Петровац, а затем переехать на историческую родину своих предков-словаков сначала в г. Мартин, а затем в Братиславу, где он был профессором Богословского факультета университета. Видимо, сыграло свою роль недоверие к прежней науке и обстановка красного террора. В условиях профессиональной невостребованности, в конце концов, пересилила человеческая тяга к родному дому. Открывался новый этап деятельности Квачалы-ученого в рамках Чехословацкой республики, углубивший словацкие научные связи с чешской исторической школой.

Как видно из рассмотренного материала, вклад профессора Квачалы в развитие как словацко-русских, так и межславянских и общеевропейских научных и культурных связей был весьма значительным. Однако данную проблематику нельзя считать до конца исчерпанной, существуют все еще не выявленные исследователями резервы источниковой базы особенно в эстонских (Тарту), российских (Санкт-Петербург, Воронеж), чешских и словацких архивных фондах.

Тех гуманитариев, которых заинтересовала замечательная фигура Квачалы-ученого отсылаем к собственной работе «Российский профессор-теолог Ян Квачала и его роль в

развитии межславянских научных и культурных связей», опубликованной в коллективной монографии «Межславянские культурные связи. Результаты и перспективы исследований» (вышла в Москве в 2021 г. в Инславе, под. ред. Л.Н. Будаговой) [3:86-109]. В ней автором статьи исследован процесс вхождения Яна Квачалы в российскую гуманитарную науку, прослежен его огромный вклад в развитие комениологических исследований в России, а также на основе открытий в личном фонде Квачалы на Богословском факультете Университета имени Коменского в Братиславе – выявленной многочисленной переписки Квачалы с видными российскими учеными-гуманитариями – впервые в историографии удалось осветить проблему «Ян Квачала и российская гуманитарная наука».

В то же время становится очевидным, что назрела необходимость создания комплексного монографического труда о Квачале, который бы охватил, наконец, всю его многогранную научную, педагогическую, богословскую и культуроведческую деятельность. Это более актуальная и неотложная задача, чем переиздание на новом витке отдельных избранных трудов Квачалы. Но пока можно лишь сожалеть, что глубокий талант Квачалы не каждому современному исследователю по силам, так как требует слишком разносторонних профессиональных знаний.

В современной словацкой историографии сохраняется устойчивый интерес к фигуре Яна Квачалы. Следует отметить, что совсем недавно появились книги историка Либора Берната «Ян Квачала и школа Голла в свете взаимной корреспонденции» (*Bernát L. Ján Kvačala a Gollova škola vo svetle vzájomnej korešpondencie*. Bratislava, 2017), «Из переписки Яна Квачалы с друзьями» (*Bernát L. Z korešpondencie Jána Kvačalu s priateľmi*. Trenčín, 2019) и особенно вышедшая в 2021 г. монография «Жизнь и труды Яна Радомила Квачалы» (*Bernát L. Život a dielo Jána Radomila Kvačalu. Sto listov z Kvačalovej korešpondencie*. Bratislava, 2021). В статье в продолжение уже существующих (вышедших в саратовском университете в 2016-2017 гг.) рецензий автора статьи на предыдущие работы Берната излагаются историографические заметки как по поводу последних названных работ, так и касательно монографии 2021 г. о Яне Квачале.

Моё мнение о первых двух названных книгах сформировалось ещё по свежим следам после получения из Словакии рецензионных экземпляров, но из-за «ковидных» условий оно не могло появиться своевременно.

Упомянутая выше книга корреспонденции Квачалы с чешскими историками вызывает особый интерес, поскольку вносит много нового в развитие чешско-словацких культурных связей на рубеже XIX-XX вв. в период творческого подъема как Яна Квачалы, так и подъема так называемой школы Голла, последовавшего вслед за разделом в 1882 г. Пражского университета на чешский и немецкий. Мой особый интерес к этой проблематике объясняется ещё и тем, что с молодых лет моей научной и педагогической стези на Историческом факультете МГУ, и долгие десятилетия я стал преподавать ряд университетских курсов, особенно чешскую и словацкую историографию, и развитие школы Голла как обычно занимало немало места. Когда началась подготовка университетского учебника историографии истории южных и западных славян (издан в 1987 г., удостоен Ломоносовской премии), я был направлен в Карлов университет в Прагу на философский факультет, где моим наставником стал ведущий чешский историк и специалист по чешской историографии профессор Йозеф Петрань, лишь недавно ушедший из жизни. Мною были собраны ценные рукописные архивные материалы о творчестве многих ведущих историков-позитивистов, сделаны многочисленные ксерокопии ценных материалов, которые с помощью дирекции Института чехословацкой и всеобщей истории были любезно отправлены мне в Москву. Материалы были использованы в написании университетского учебника по историографии и поныне используются активно как при чтении курса чешской и словацкой историографии в МГУ, так и при подготовке научных докладов и публикаций по различным аспектам развития чешской и словацкой историографии. В ходе пребывания в Праге моим научным консультантом был также крупный специалист по историографии позитивизма, чешский историк Томаш Войтех, ставший моим лучшим другом. В чешской историографии Т. Войтех стал зачинателем исследования позитивистской школы Голла. В 1984 г. он издал ценный труд о чешском позитивизме [4],

сохранивший поныне научную ценность. Можно лишь сожалеть, что его исследования оборвались из-за автокатастрофы 1986 г.

Интерес к позитивизму и так называемой школе Голла в чешской историографии усилился вновь лишь спустя многие годы, а именно – в середине 2000-х гг. В 2005 г. на основе материалов научной конференции в Чешских Будеевицах вышел сборник научных трудов «Ярослав Голл и его ученики» [5], вызвавший бурную дискуссию, длившуюся ряд лет. Сборник был издан заслугами наиболее активного современного представителя южночешской историографии профессора Богумира Йироушека, сделавшего немало в исследовании позитивизма. В книге впервые было подвергнуто сомнению само существование школы Голла. Затем Б. Йироушек развернул эти взгляды в книге «Ярослав Голл. Роль историка в чешском обществе» [6].

Б. Йироушек выступил против тенденции к мифологизации исторической роли Ярослава Голла. Он пришел к выводу, что Голла не следует расценивать как творца исторической науки нового уровня в чешской среде, и уж тем более он не являлся создателем новой парадигмы [7]. И с этими взглядами можно согласиться. В свое время в период господства марксистской историографии наследие представителей чешского позитивизма было слишком недостаточно изучено, для этого не было общественно-политических условий. Теперь становится очевидным, что роль Голла в развитии чешской позитивистской школы была непомерно завышена. Не следует говорить о школе Голла в научном смысле слова. От употребления этого термина следует постепенно уходить. И с этим нельзя не согласиться.

Во вступительной части рецензируемой книги Л. Берната встречается фраза о том, что Квачала также считал, что роль Голла превозносится (s. 18). Отсюда следует, что автору вряд ли стоило выносить в название и довольно жестко привязывать переписку Квачалы к школе Голла. Видимо, следовало бы говорить о переписке с пражскими историками вообще, независимо от их принадлежности в той или иной школе. Очевидно, однако, что Л. Бернат по инерции придерживается традиционных и устоявшихся до него взглядов о школе Голла. Не скрою, что до недавнего времени подобных взглядов, вслед за профессиональным мнением безвременно ушедшего из жизни чешского историка Томаша Войтеха придерживался и я, что отразилось в читаемом мной не одно десятилетие курсе чешской и словацкой историографии (в рамках курса историографии южных и западных славян на кафедре с тем же названием Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова) [7:171], в котором школе Голла уделяется пристальное внимание.

Но под влиянием взглядов коллеги Б. Йироушека мной были сделаны необходимые корректировки применительно к этой школе. Этому чешскому историку удалось существенно углубить современные представления о развитии позитивизма в чешских землях и целом ряде своих монографий по чешской историографии. Благодаря научным конференциям в Институте славяноведения РАН в секторе, руководимом до недавнего времени талантливым славистом Л.Н. Будаговой, с Б. Йироушкой, мной были установлены плодотворные научные связи, и я выражаю благодарность за присланные чешским коллегой из южночешского университета написанные им книги о развитии чешской историографии на рубеже XIX-XX вв.

Название второй книги публикации источников «Корреспонденция Яна Квачалы с друзьями» говорит само за себя. Л. Бернат последовал моему совету, высказанному в одной из рецензий, и включил в публикацию переписку Квачалы с известным словацким протестантским деятелем Юром Яношкой (1856–1930). Яношка был основателем (в 1887 г.) словацкой газеты “Cirkevné listy“ и издавал её на высоком для того времени уровне. Именно переписка с Ю. Яношкой, на мой взгляд, позволила Л. Бернату углубить существующие представления исследователей о Квачале-теологе и представить его в новом свете.

В начале вступительной статьи на с. 11 в первой сноске допущена неточность: рецензия на книгу *Matej Jozef: Jan Kvačala (Život a dielo)* вышла в словацком журнале “Pedagogika“ (гоđ. 2, џ. 2) не в 1952, а в 1962 г.

В сноске 14 (к письму Квачалы Яношке № 18) на с. 80 речь без сомнения идет о статье Квачалы на словацком языке в сборнике, посвященном академику В.И. Ламанскому (СПб.,

1907-1908. 2 часть. С. 1154-1281), а не о Кампанелле. Квачала в письме Яношке от 1906.12.12 (№ 20) сам отмечал, что «моя работа в честь Ламанского уже в печати» [8:82].

Перейдем к третьей по счету рецензируемой книге. Вышедшая в Братиславе в 2021 г. монография Л. Берната о жизни и творчестве Яна Квачалы [9] носит обобщающий характер и является закономерным итогом целеустремленной публикаторской деятельности исследователя.

Судя по вступлению к рецензируемой книге, для общей концепции Л. Берната характерно следование стереотипам современной венской историографии и довольно предвзятый подход к проводимым при ректоре А.С. Будиловиче реформам Юрьевского (Дерптского) университета. От автора ускользает позитивный заряд усилий известного слависта А.С. Будиловича, внесшего, кроме того, существенный вклад в развитие словацко-русских и чешско-русских связей, превратив имение семьи Добрянских-Грабарей Чертижне (Чертеж) в Восточной Словакии в один из центров упрочения межславянских культурных связей. Стоит также подчеркнуть, что на основе доступных ныне архивных материалов Дерптского (Тартуского, Эстония) университета Яна Квачалу следует отнести к решительным сторонникам реформ на Богословском факультете.

Как не парадоксально, Л. Бернату свойственно стремление представить Квачалу большим консерватором, чем он был на самом деле. В то же время очевидно, что под влиянием происходивших в России перемен, Квачала претерпевал эволюцию своих социально-политических взглядов. Ему было свойственно приемлемое отношение к советским преобразованиям, иначе нельзя было бы понять его поворотное решение в отношении своей эвакуации в Воронеж летом 1918 г.

На с. 28 Л. Бернат ошибочно записал протестанта Крофту в «римскокатолики». В библиографическом списке на с. 268 в данных о «корреспонденции Коменского с ровесниками» отсутствует I том сочинения, вышедший в Праге в 1898 г. На той же странице 268 содержится ряд опечаток в названиях работ Квачалы на русском языке.

Стоит констатировать, что Либору Бернату удалось создать целостный основательный труд о жизни и творческой деятельности Яна Квачалы и внести существенный вклад в развитие современной историографии о Квачале – ученом и педагоге. В то же время работе присущи отдельные уязвимые стороны. Например, замечание автора монографии на с. 17 о том, что исследователи Квачалы до сих пор не осветили тему «Ян Квачала и русская наука», автору следовало бы отнести на свой собственный счет, поскольку ему не удалось даже выявить россику в личном фонде Квачалы и опубликовать её. Кроме того, Бернату следовало бы заново высветить дерптский (юрьевский) период деятельности Квачалы как наиболее плодотворный в его творческой биографии, тем более, что российская наука в то время не стояла на месте. Но ссылок на россику и на дерптские материалы у автора монографии не встречается. Думается, что Л. Бернат в некоторой степени упустил из вида более чем 25-летний дерптский период преподавания Квачалы и не исследовал, например, лекционную деятельность ученого, не рассмотрел методику и методологию его преподавания. Тем более, что его преподавательская практика профессора теологии на Богословском факультете в Дерпте (Юрьеве) не предполагала создание собственной научной школы.

Труд Л. Берната бесспорно представляет собой новое слово в словацкой историографии о Квачале. Однако, его отдельные позиции и выводы нуждаются в более углубленном переосмыслении и преодолении некоторых скороспелых выводов монографии (например, о том, что Квачала не был выдающимся педагогом и др.). Воронежский период жизни не исследован вовсе. А этот период был для Квачалы-педагога весьма и весьма плодотворным. Считаю, что лишь талант Квачалы привел к тому, что за столь короткое время – два года пребывания в Воронеже – им был подготовлен совершенно новый учебный курс в Воронежской консерватории по истории культуры. Заслуги Квачалы в развитии педагогики в воронежский период можно было бы продолжить и далее.

Автору обобщающего труда о Квачале стоило бы целиком занять весь листаж монографии исследованием творческого научного и педагогического наследия Квачалы в связи с

существующими до сих пор пробелами в историографии, а не занимать почти половину книги публикацией ста единиц корреспонденции Квачалы, отчасти публикуемых Бернатом ранее в ряде книг источникового характера.

Считаю, что вряд ли стоит принять предпринятую в монографии Л. Берната попытку сместить Яна Квачалу с заслуженного пьедестала крупного ученого и знатока мировой педагогики, и умалить его роль в развитии современной российской и словацкой педагогики.

На с. 170-171 монографии напрашивается вывод о том, что в Чехословацкой республике таланту Квачалы не удалось раскрыться в полной мере. Однако в современной историографии до сих пор актуален беспрекословный вывод, выраженный емко словами – Квачале удалось осуществить труд за целое поколение комениологов.

Литература

1. Квачала Иван Иванович // URL: <https://vrnguide.ru/bio-dic/k/kvachala-ivan-ivanovich.html> (Дата посещения: 26.01.2020).
3. *Фирсов Е.Ф.* Российский профессор-теолог Ян Квачала и его роль в развитии межславянских научных и культурных связей // Межславянские культурные связи. Результаты и перспективы исследований. М., 2021. – С. 86-109.
4. *Фирсов Е.Ф.* По следам штутгартского научного труда «Между Дерптом, Прессбургом и Венной», посвященного Яну Квачале. Историографические заметки // Журнал филологических исследований. Том 7. № 4. 2022. – С. 35-39. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/53516/view> (Дата посещения: 03.03.2023).
4. *Vojtěch T.* Česká historiografie a pozitivismus: světonázorové a metodologické aspekty. Praha, Academia, 1984.
5. Jaroslav Goll a jeho žáci. České Budějovice, 2005.
6. *Jiroušek Bohumil.* Jaroslav Goll. Role historika v české společnosti. České Budějovice, 2006.
7. Программы университетского курса по чешской и словацкой историографии доцента Е.Ф. Фирсова URL: <http://www.hist.msu.ru/upload/iblock/424/Историография%20южных%20и%20западных%20славян.pdf> (Дата обращения: 3.03.2023). Также см.: Историография истории южных и западных славян. Учебное пособие. – М., 1987.
8. *Bernát L.* Z korešpondencie Jána Kvačalu s priateľmi. Trenčín, 2019.
9. *Bernát L.* Život a dielo Jána Radomila Kvačalu. Sto listov z Kvačalovej korešpondencie. Bratislava, 2021.
10. Важно отметить, что в период пребывания в Воронеже профессор Квачала проявил пристальный интерес к реформам советской системы образования и после возвращения в Словакию проанализировал их в журнале Чехословацкого учительского общества в статье «О программе новейшей российской педагогики».